

Р. С. СПИВАК
Пермский университет

**ФИЛОСОФСКАЯ ЛИРИКА А. С. ПУШКИНА 30-х ГОДОВ
КАК ЖАНРОВО-СТИЛЕВАЯ ОБЩНОСТЬ**

Лирика Пушкина 30-х годов давно обратила на себя внимание исследователей зрелостью мыслей, широтой обобщений, новизной художественных принципов отражения действительности. В развитии русской философской лирики она составила особый этап, обогатив новой проблематикой и положив начало формированию ее социально-исторической разновидности. Однако в немногих специальных работах вопрос о своеобразии и новизне философской лирики Пушкина 30-х годов часто сводится к рассмотрению мастерства и творческого метода поэта¹. Поэтому изучение значения Пушкина для развития русской философской лирики прежде всего требует уточнения понятия философской лирики как общности не только проблемно-тематической, но и структурной.

Фактом общественного сознания в России философская лирика становится благодаря лирике Любомудров, впервые в русской литературе сознательно и гласно ориентировавшихся на художественную разработку философских концепций, на слияние искусства с философией².

Конкретизируем основные признаки складывающейся в творчестве Любомудров новой художественной общности на материале произведений наиболее яркого поэта этого литературного направления — Д. Веневитинова.

По мнению Веневитинова, настоящее искусство, нашедшее твердую опору в философии, должно сознательно изучать

¹ См., например, интересные во многих отношениях работы Е. А. Маймина: Философская поэзия Пушкина и Любомудров. — В сб.: Пушкин. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1969. Т. 6; О теме свободы в романтической лирике Пушкина. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1974, № 3; Русская философская поэзия. — М.: Наука, 1976.

² См.: Гинзбург Л. О лирике. — Л.: Сов. писатель, 1974; с. 58 и далее.

человека как «малый мир», как «эмблему всякого целого и, следовательно, всего человечества»³. Предметом литературы, по мысли Веневитинова, таким образом, должны быть родовые, общие, а не индивидуальные свойства человеческой натуры. Такое родовое качество Веневитинов видит в творческом самоутверждении человека. При этом самым ярким носителем этой общечеловеческой способности в глазах Любомудров является поэт. Поэтому именно в русле темы поэта и лежат художественные открытия Любомудров. В лирике Веневитинова, наряду с традиционным нравственно-психологическим аспектом трактовки темы поэта, встречающейся у Державина, Батюшкова, Жуковского, присутствует аспект нравственно-философский. Он отчетливо заметен, например, в стихотворении «Я чувствую, во мне горит святое пламя вдохновения» и во втором Сонете. В них крупным планом дана «душа, богатая собой». Содержанием произведений является «раздумье творческого духа» над тем, что для художника в самом широком смысле этого слова составляет суть отношения к миру. Его внутренняя жизнь предстает перед нами в противоречиях, которые Веневитинов в статье «Анаксагор» определил как «раскол между мыслью и чувством»⁴. В Сонете эти противоречия сформулированы четко и лаконично, в стихотворении «Я чувствую, во мне горит...» — они более развернуты. Но в обоих случаях творческое сознание лирического героя раскрывается в столкновении, борьбе и, наконец, высшей гармонии двух его полярных начал: идеальной, светлой мечты, святого вдохновения, красоты и фантазии, с одной стороны, и пламени чувств, душевных порывов, земных страстей и мук — с другой. Два влечения человеческой души (стремление воспарить над жизнью и желание слиться с ней) по-разному конкретизируются в разных стихах поэта, но неизменно в основе динамики сюжета лирико-философских произведений Веневитинова — сопоставление отрешенного от жизни небесного дара и живой, земной реакции героя-поэта.

Особенности предмета изображения и сюжета, а также отдельные темы философской лирики Веневитинова находят развитие в творчестве Баратынского.

Образ переживания у Баратынского по сравнению с Веневитиновым еще более обобщен. Единственный признак, выделяющий героя Веневитинова и заключающийся в том, что он поэт, у Баратынского отсутствует. Предметом художественного изображения становится духовная жизнь личности,

³ Веневитинов Д. В. Избранное. — М.: Худож. лит., 1956, с. 180.

⁴ Там же, с. 181.

осознанная в самых общих, независимых от ее индивидуальных и социальных особенностей, закономерностях.

Основная особенность духовной жизни личности, при всех ее вариациях, у Баратынского сводится к столкновению юношески непосредственного, доверчивого отношения к жизни с трезвым ее осмыслением, питающимся суровым жизненным опытом.

Ключевые образы в стихотворениях Баратынского, как и в лирике Веневитинова, повторяются и четко поляризуются в рамках всей поэтической системы на образы, воплощающие наивно-непосредственную, эмоциональную реакцию героя, и образы, передающие его аналитическую, рассудочную оценку жизни. Конкретно-психологическое наполнение каждого образа в каждом отдельном произведении ослабляется, но усиливается его понятийный план.

Таким образом, сюжетные оппозиции, лежащие в основе лирики Баратынского, по своему характеру аналогичны сюжетным оппозициям в лирике Веневитинова и могут быть определены как нравственно-философские, поскольку составляющие их образы отражают субстанциальные начала бытия. Характер сюжетных оппозиций Веневитинова и Баратынского обусловлен спецификой предмета изображения в философской лирике — осознанием именно родовых свойств человека.

Тот же предмет изображения и тот же тип сюжетных оппозиций в космической лирике Тютчева. В центре внимания поэта — противоречия самого мироздания, дневного и ночного начал природы, частью которой является и человек. Не вызывая у читателя ощущения логической заданности, авторское сознание тем не менее преломляет все впечатления действительности с помощью логического анализа — через призму вечных, глобальных противоречий между жизнью и смертью, человеком и природой, субъективной волей личности и роком, вечностью и мигом. Подобно лирике Веневитинова и Баратынского, тютчевская лирика также разворачивает перед читателем процесс размышления. Она обогащает нас не столько ответами на вопросы, сколько самой постановкой вопросов, вновь и вновь возвращая нас к раздумью, обостряющему чувство многообразия и многомерности жизни.

В лирике Тютчева трагический дуализм мира существует только в сознании мыслящей, общественной личности. Он следствие столкновения двух, по выражению поэта, «беспредельностей», двух полярных начал сознания. Одно из них — стихия непосредственного, эмоционального, чувственного восприятия жизни. Другое — беспредельность мысли, познания. Однако, в отличие от лирики Веневитинова и Баратынского, где «раскол ума и чувства» является предметом художествен-

ного познания⁵, в лирике Тютчева он — метод познания, выявляющий глобальные противоречия бытия, драму несовместимости двух жизненных субстанций — материального и идеального, объективного и субъективного, отдельного и общего.

В произведениях Веневитинова нравственно-философский аспект содержания не был ведущим. В большей части стихотворений он едва намечен и улавливается лишь в контексте всего творчества поэта. В других стихотворениях — относительно развернут, однако все же лишь дополняет главную, традиционную нравственно-психологическую трактовку темы, при этом отчетливо заметны следы вставки лирико-философского сюжета.

Очевидно, синтез нравственно-психологического и нравственно-философского планов изображения в лирике Веневитинова можно рассматривать как показатель начального этапа формирования русской философской лирики, когда она как жанрово-стилевая общность еще только складывалась. Но уже у Веневитинова нравственно-философский план изображения обнаруживает тенденцию к самостоятельности, к отделению от плана нравственно-психологического. Эта тенденция усиливается в лирике Баратынского, как бы стремящейся освободиться от психологизма за счет отказа от индивидуализации образа переживания лирического героя. В космической лирике Тютчева отсутствует, насколько это возможно в искусстве, и открыто выраженная нравственная проблематика; натурфилософский план становится единственным.

Так в русском романтизме в 20—30-е годы складывается философская лирика как некая не только проблемно-тематическая, но и структурная общность. Ее составляют лирические произведения, в основе которых лежит осмысление бытия и сознания с точки зрения всеобщих, сущностных, субстанциальных начал. В отличие от произведений, отражающих действительность прежде всего с точки зрения ее конкретных, видовых особенностей, в философской лирике обобщающая тенденция воплощается непосредственно в сюжете произведения и обуславливает определенную жанрово-стилевую целостность и специфику всей художественной структуры: нравственно- и натурфилософский характер сюжетообразующих оппозиций, обобщенность образа переживания, усиление концептуальности ключевых образов, наличие категории вечного времени.

⁵ См.: Гинзбург Л. Указ. соч., с. 97; а также нашу статью. Натурфилософские традиции Тютчева в прозе Бунина. — В кн.: Бунинский сборник. Орел, 1974.

У Любомудров, Баратынского и Тютчева мы встречаемся с философской лирикой романтиков, ориентированной на художественное познание автономного в своих драмах и противоречиях внутреннего мира личности. Даже в тех случаях, когда Баратынский и Тютчев рисуют своего героя как представителя буржуазной цивилизации, последний предстает перед нами не внутри общества, а вне его, один перед лицом природы.

В философской лирике Пушкина 30-х годов получает развитие другое направление философской эстетической мысли. Сам предмет художественного познания здесь иной — общественное сознание эпохи и общественное самосознание личности. Мироощущению Пушкина 30-х годов свойственно трезвое и мужественное понимание эпохи, современником которой ему суждено быть. Для Пушкина это век жестокий, и нельзя надеяться ни разрушить его, ни переждать, вне его для реалиста Пушкина нет возможности бытия. Следует принять этот век как данность, но можно и нужно внутри этой данности четко самоопределиться, ибо и этот жестокий век не властен уничтожить определенные ценности жизни.

Известно, что эпохе 30-х годов в России свойственно осмысливать социальные, политические и нравственные вопросы как философские, так или иначе связывая их с актуальной проблемой того времени — проблемой личности.

Пушкинские поиски нового нравственно-философского позитива — «самостоянья человека» — лежат в русле прогрессивной философской мысли 20—30-х годов, развиваемой широкими кругами либеральной европейской общественности, противопоставившей сенсуалистской философии конца XVIII в. новое понимание личности и свободы.

Утилитаризму и индивидуализму, с его байроническим комплексом мышления, как следствию распространения сенсуалистской философии в первые десятилетия XIX в. либеральное философское течение противопоставило понятия исторической необходимости и нравственного долга личности перед обществом⁶. Эти понятия стали ключевыми для нравственно-философской позиции Пушкина 30-х годов⁷, объясняющей многие особенности его зрелого творчества и наибо-

⁶ См.: Реизов Б. Понятие свободы у Пушкина. — Вопросы литературы, 1966, № 12; Пиксанов Н. К социальному генезису литературного направления. Становление реализма в творчестве Пушкина и Грибоедова. — Русская литература, 1963, № 2.

⁷ См.: Непомнящий В. Двадцать строк. Пушкин в последние годы. — Вопросы литературы, 1965, № 4; Он же. К творческой эволюции Пушкина в 30-е годы. — Вопросы литературы, 1973, № 11.

лее прямо художественно выраженной в философской лирике поэта 30-х годов.

Обогащение жанра Пушкиным связано с новым аспектом постановки проблемы личности. Поэтов-любимудров личность интересует преимущественно в ее отношении к процессу художественного творчества, абсолютизируемому с позиций философского идеализма. Баратынского и Тютчева — в ее отношении к природе (как к собственно природе, так и к внутренней природе человека, осмысленной на уровне высоких метафизических закономерностей). Личность в лирике Пушкина 30-х годов — величина не метафизическая, не абсолютная. Ее духовное бытие исторически реально. Она воспринимается поэтому в потоке общественной жизни и вследствие этого — в новых для русской философской поэзии XIX в. взаимоотношениях с народом, властью, единомышленниками, новыми поколениями и т. д. Автобиографический подтекст пушкинской лирики подчеркивает социально-исторический характер этих взаимоотношений, не разрушая, однако, жанра.

Сюжетообразующие начала философской лирики Пушкина, даже если они заключены в рамки личностного сознания, связаны с противоборствующими тенденциями сознания общественного. Их сопоставление конкретизируется в конфликте враждебных друг другу мироощущений, обнаруживающих в общем контексте философской лирики Пушкина свою общественную природу.

Одно из них — мироощущение, базирующееся на вневеличных ценностях человеческого бытия, сквозь их призму оценивающая жизнь личности и общества. Это мироощущение способное «сердцем взлетать во области заочных».

Идея вневеличных духовных ценностей в философской лирике Пушкина 30-х годов выступает как обобщающее, гармонизирующее начало общественного сознания, способствующее органическому слиянию разрозненных проявлений общественной и личной жизни, эмпирического калейдоскопа бытия в единое целое и придающее им в свете этого целого смысл, развитие и перспективу. Вневеличные духовные ценности Пушкин этого периода понимает не умозрительно, а более широко. В его лирике 30-х годов они конкретизируются в нравственных и эстетических ценностях народного сознания и общечеловеческой культуры («Мадонна»), в идеях гражданской свободы («Памятник»), понятии нравственного долга личности перед обществом («Полководец»). В то же время они оживают в образах природы, любви и в образе самой жизни, в ее всепобеждающем и неостановимом движении («Осень», «Из Пиндемонти»).

Полярное мироощущение в философской лирике Пушкина

представляет собой восприятие действительности сквозь призму отдельных фактов, эмоций, явлений, не одухотворенных обобщающей гуманистической идеей, сквозь призму отдельной «частички бытия».

Вообще-то всякая «частичка бытия» сама по себе для Пушкина всегда интересна и ценна. Без непосредственной душевной эмоции, без способности остро чувствовать эмпирику жизни — для Пушкина и личность, и сама жизнь неполноценны. Неслучайно пушкинский поэт, как эхо, рождает отклик на всякий звук. Но, будучи абсолютизирована, идея частного, отдельного, эмпирического полярна гуманистической идее величнейших духовных ценностей и ущербна:

Когда б не смутное влеченье
Чего-то жаждущей души,
Я здесь остался б — наслажденье
Вкушать в неведомой тиши⁸...

Более того, абсолютизация отдельной «частички бытия», по логике Пушкина, разрушает личность. Поэтому личности враждебно все, над чем тяготеет дух разъединения, отдельности, даже если оно силой реальных обстоятельств объединено в новую внешнюю общность (чернь, толпа, мирская власть). Поэт всегда фиксирует разъединяющую природу подобной общности. Это мнимая, стадная «общность», поэтому она антигуманна и составляет оплот всякого насилия, тогда как личность, носительница высокого духовного объединяющего начала, ассоциируется с понятиями индивидуальности и свободы. Именно приобщенность к величнейшим вечным ценностям жизни в философской лирике Пушкина и дает личности полноценность и остроту эмпирического бытия:

И с каждой осенью я расцветаю вновь,
Здоровью моему полезен русский холод.
К привычкам бытия вновь чувствую любовь:
Чредой слетает сон, чредой находит голод;
Легко и радостно играет в сердце кровь,
Желания кипят — я снова счастлив, молод,
Я снова жизни полн...

(III, 264)

Я думал, сердце позабыло
Способность легкую страдать.
Я говорил: тому, что было,
Уж не бывать! уж не бывать!
Прошли восторги, и печали,
И леповерные мечты...
Но вот опять затрепетали
Пред мощной властью красоты.

(III, 346)

⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. — М. — Л., 1949. Т. 3, с. 261. В дальнейшем цитаты приводятся по этому изданию с указанием тома и страницы в тексте.

В философской лирике Пушкина 30-х годов постоянно подчеркивается, как важна для поэта, как дорога ему эта идея причастности к чему-то большому, общему, идея связи, единения. Неслучайно Пушкин так часто обращается к теме любви, объединяющей людей, к образу кладбища родового:

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам...

(III, 214)

И по-иному эта же мысль развивается в плане этическом, обретая звучание молитвы:

Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о боже, прегрешенья.
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.

(III, 373)

Сравним стихотворение Пушкина «Вновь я посетил» с тютчевским стихотворением «Смотри, как на речном просторе». Они близки по теме, но пафос их разный.

Смотри, как на речном просторе,
По склону вновь оживших вод,
Во всеобъемлющее море
За льдиной льдина вслед плывет.
На солнце ль радужно блистая,
Иль ночью в поздней темноте,
Но все, неизбежно тая,
Они плывут к одной мете.
Все вместе — малые, большие,
Утратив прежний облик овой,
Все — безразличны, как стихия, —
Сольются с бездной роковой!..
О, нашей мысли обольщенье,
Ты, человеческое Я,
Не таково ль твое значенье,
Не такова ль судьба твоя?⁹

Для Тютчева на первый план выступает ужас поглощения бездной — уничтожение в общем. Пушкин же делает акцент на неразрывности общей жизни, на продолжении — в общем. То же в стихотворении «Брожу ли я вдоль улиц шумных».

Если попытаться условно разбить философскую лирику Пушкина 30-х годов на тематические циклы, то приблизительно можно различить в ней три группы произведений. Это прежде всего небольшая группа стихотворений, объединенных

⁹ Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. — Л.: Сов. писатель, 1957, с. 183.

образом поэта и поэтического творчества. И по теме, и по времени написания она как бы соединяет лирику 30-х годов с лирикой предыдущего периода. Затем — несколько стихотворений, объединенных темой жизненного круговорота. И, наконец, самая большая группа стихотворений, не имеющих общей темы, но явно объединяющихся пафосом утверждения определенного мироотношения, философски осмысляемого в ряду непреходящих нравственных ценностей. Эпиграф к одному из стихотворений этой группы («Герой») четко формулирует его основную проблему и может считаться эпиграфом ко всей группе этих произведений — «Что есть истина?».

В эту большую группу входят самые значительные лирические произведения Пушкина этих лет — «Элегия», «Два чувства дивно близки нам», «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы», «Герой», «Не дай мне бог сойти с ума», «Пора, мой друг, пора», «Полководец», «Странник», «Из Пиндемонти», «Отцы-пустынники», «О нет, мне жизнь не надоела», «Когда за городом задумчив я брожу». Кроме того, к ней совершенно явно примыкают наиболее значительные стихотворения двух других тематических групп — «Осень», «Памятник», «Вновь я посетил». Это доказывает существенность проблемного единства пушкинской философской лирики 30-х годов, внутри которой можно выделить еще и некие тематические подциклы.

Таким образом, общий пафос лирики Пушкина 30-х годов состоит в осмыслении сути духовного «самостоянья» человека данной эпохи, высших ценностей сознания, благодаря которым эмпирический калейдоскоп бытия каждого («жизни мышья беготня») обретает смысл.

Во всей полноте это позитивное мироотношение раскрывается лишь в рамках всей философской лирики Пушкина 30-х годов в целом. В каждом же отдельном стихотворении оно представлено каким-то одним из своих аспектов. Например, в стихотворении «Сонет», «Вельможа» акцентируются отношения к достижениям культуры; в стихотворениях «Элегия», «О нет, мне жизнь не надоела», «Я думал, сердце позабыло», «Вновь я посетил», «Из Ксенофана Колофонского» — ощущение ценности дара жизни; в стихотворениях «Осень», «Памятник», «Поэту», «Эхо» — значительность поэтического творчества; в стихотворениях «Полководец», «Странник», «Из Пиндемонти», «Поэту» — верность призванию и нравственному долгу; в стихотворениях «Герой», «Отцы-пустынники» — гуманистическая этика и т. д.

Ключевые моменты каждого из полярных мироотношений художественно зафиксированы поэтом в основных, повторяющихся образах отдельных стихотворений. Повторяясь, сбли-

жаясь, пересекаясь, варьируя друг друга, они образуют некую образную сетку, своеобразную арматуру проблематики философской лирики поэта как содержательного единства.

Концепция философской лирики Пушкина 30-х годов находит свое воплощение в самой логике организации образной системы — в противопоставлении и иерархии образов.

В зрелой философской лирике Пушкина — четкая иерархия эмоциональных спектров душевной жизни по степени содержащегося в ней духовного обобщающего и объединяющего потенциала. Последний присутствует во всей большой группе образов, связанных с конкретизацией позитивного мироощущения. Уровень обобщения задают образы «жизни», «духа», «общего закона», «памяти», «пределов жизненных», «смысла», «дум», «разума», «мысли», синонимами которых в определенном контексте являются образы «печали», «страдания» (неслучайно — «скорбная мысль»). Эта цепочка образов смыкается по уровню обобщения с группой образов противоположной эмоциональной наполненности — «любовь», «красота», «вдохновенье», «душа», «сердце», «ответ». К ним примыкает круг образов, соотнесенных с перечисленными по принципу воплощения идеального, желаемого («мечта», «идеал», «образец», «молитва», «возвышающий», «божество», «свобода», «вольность», «подвиг», «творчество», «труд», «величие», «покой», «благородство»).

К противоположному полюсу образной системы тяготеют образы, фиксирующие эмпирическую эмоциональную реакцию с явно сниженным уровнем обобщения и ослабленным объединяющим началом и потому со сниженным или отсутствующим духовным содержанием («зависть», «горести», «заботы», «поклонение», «равнодушие», «рабство» и т. д.). Закон иерархии действует как внутри каждой из полярных образных групп, так и между ними в целом. Поэтому «веселье», например, на этой иерархической лестнице занимает низшую ступень, так как оно эмпирично, мгновенно, а следовательно — бездуховно, оно — в сфере душевного потребления, а не созидания. «Печаль», напротив, занимает высшую ступень, так как она, как всякое страдание (и одиночество), связана с мыслью и памятью и потому уже составляет сферу духовных ценностей:

Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...
(III, 179)

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино — печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
(III, 179)

Такая иерархия у Пушкина, разумеется, не имеет ничего общего с культом страдания. Здесь культ духовности, степень которой в каждой отдельной эмоции измеряется заложенным в ней обобщающим началом. Вот почему рядом со «страданием» и даже выше, включая его в себя, у Пушкина размещается «любовь», а голая правда факта, например, всегда ниже вымысла и воображения, согретых верой в чело- века:

Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...
(III, 201)

И забываю мир — и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне...
(III, 265)

И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и треволненья:
Порой опять гармонией ульюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть — на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.
(III, 179)

Отчетливо видна эта иерархия образов в стихотворении «Осень». С одной стороны:

...я не люблю весны;
Скучна мне оттепель; вонь, грязь — весной я болен;
Кровь бродит; чувства, ум тоскою стеснены.
(III, 262)

С другой стороны, в той же «Осени»:

И с каждой осенью я расцветаю вновь;
Здоровью моему полезен русский холод;
К привычкам бытия вновь чувствую любовь:
Чредой слетает сон, чредой находит голод;
Легко и радостно играет в сердце кровь,
Желания кипят — я снова счастлив, молод,
Я снова жизни полн...
(III, 264)

В первом случае образ «играющей в сердце крови» противостоит духовному содержанию жизни и низводится на низшую ступень. Во втором — органически входит в целостное ощущение жизни и художественно утверждается. Положение того или иного образа на иерархической лестнице, следовательно, определяется образным контекстом.

Забыв и рошу и свободу,
Невольный чижик надо мной
Зерно клюет и брызжет воду...
(III, 391)

И забываю мир — и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем...

(III, 265)

В первом случае «забвение» наделено явно отрицательным смыслом, так как распространяется на «рощу» и «свободу», то есть на духовные ценности общественного сознания. Во втором случае «забвение», наоборот, предполагает приобщение к творческому процессу, ибо это забвение «мира», то есть мирского, суетного, бездуховного.

Точно так же в разных контекстах наполняется противоположным содержанием и соответственно по-разному располагается в системе иерархических уровней, например, слово-образ «наслажденье»:

И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и тревоженья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь...

(III, 179)

Когда б не смутное влеченье
Чего-то жаждающей души,
Я здесь остался б — наслажденье
Вкушать в неведомой тиши...

(III, 261)

В развитии сюжета и концепции пушкинской философской лирики большую роль играет категория художественного времени. Она находит свое воплощение в системе носителей и антагонистов позитивного мироощущения. Носителем негативного мироощущения обычно выступает, как говорилось выше, свет (мирская власть, светская чернь, иногда поэт в его мирском состоянии). Носителей же позитивного мироощущения у Пушкина несколько. Это — прежде всего сам лирический герой. А кроме него — еще объективированный герой, в той или иной степени тоже «духовный труженик», например, Барклай де Толли, Наполеон, странник, герой Ксенофана Колофонского, Серафим, Поэт. В стихотворениях усеченной структуры степень объективации может быть снижена: герой только упоминается или даже подразумевается, но в принципе он присутствует. В «Сонете», например, в такой роли выступают всемирно известные создатели сонета, в «Мадонне» — Мадонна и Спаситель, в стихотворении «Из Пиндемонта» — Гамлет, в стихотворении «Когда за городом задумчив я брожу» — простой народ, в «Памятнике» — Гораций.

При этом сам автор часто обращается к потомкам, и тогда появляется третий носитель того же мироотношения — тот, кто способен оценить поэта в будущем:

О люди! Жалкий род, достойный слез и смеха!
Жрецы минутного, поклонники успеха!
Как часто мимо вас проходит человек,
Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколенье
Поэта приведет в восторг и в умиленье!

(III, 331)

И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

(III, 376)

Время авторского переживания у Пушкина в отличие от Веневитинова, Баратынского, Тютчева — историческое (настоящее). Время объективированного героя — время связанного с ним произведения искусства, легенды, или исторического прошлого. Время потомков — историческое будущее. Из соотношения этих трех временных измерений возникает единое общепсихологическое и вечное время, безначальное и бесконечное, включающее в себя любую временную длительность и качественность, но поступательно развивающееся.

Категория вечного времени вообще характерна для философских жанров и в том числе для всей философской лирики XIX в. Но у Любомудров, Баратынского, Тютчева вечное время не имеет развития, оно внеисторическое, библейское. Пушкинское же вечное время в его философской лирике 30-х годов органично включает в себя и образ поступательного движения.

В философской лирике Веневитинова, Баратынского, Тютчева жизнь человека воспринимается через призму вечных, неразрешимых, трагических противоречий. В историческом настоящем и прошлом у Пушкина конфликт тоже трагичен и не имеет разрешения, но он предстает как частный момент истории человечества и разрешается в принципе — благодаря сознанию возможности иного будущего. Таким образом, позиция автора, повторяясь в позиции объективированного героя и потомков, утверждается как исторически оправданная и перспективная.

В лирике Пушкина 30-х годов могут быть различные усеченные варианты рассмотренной художественной структуры, но основной принцип ее постоянен. В «Страннике», например, автор слит со своим странствующим героем, но временная перспектива возникает за счет изменения судьбы самого странника и введения второго объективированного героя — юноши. В других случаях за рамки стихотворения может быть вынесен носитель негативного мироощущения. Но так или иначе он подсказывается эпиграфом — («Сонет»), полемическим характером самого утверждения («Из Ксенофана Колофонского») и общим контекстом всей лирико-философской

системы поэта. В ряде стихотворений у Пушкина присутствует лишь один лирический герой. Тогда конфликт приобретает форму преодоления конкретного и частного состояния, ограниченного во времени («Элегия», «Стихи, сочиненные ночью», «Осень», «Я думал, сердце позабыло»). Может быть и такая предельная форма усечения, когда это опровергаемое состояние тоже вынесено за рамки стихотворения («О нет, мне жизнь не надоела», «Пора, мой друг, пора»). Но тогда само стихотворение построено как спор-диалог с этим состоянием, уже преодоленным.

В художественной структуре философской лирики Пушкина 30-х годов находит воплощение новая для того времени, гуманистическая модель мира, в центре которой — сложная, напряженная и драматическая духовная жизнь личности, научившейся ощущать себя органичной частью общественной жизни современников и истории человечества и черпающей в этой причастности к общему свою нравственную силу.

Лирико-философская концепция личности Пушкина, получившая выражение и в лирико-философских поэмах, и в трагедиях поэта, намечает новое направление в развитии самых разных философских жанров в русской литературе XIX в. — подготавливает появление историко-философского романа-эпопеи Толстого, интеллектуальных романов Достоевского, философской лирики Блока и Маяковского.

Б. Ю. КОРМАН

Удмуртский университет

**МЕТОД И МАТЕРИАЛ (СТИХОТВОРЕНИЕ А. С. ПУШКИНА
«ПОЭТ И ТОЛПА» И РОМАНТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ)**

Постановка вопроса

Важнейшим путем установления авторской позиции является сопоставление произведения с действительностью, выявление принципов отбора и пересоздания материала. Материал в этом случае следует понимать широко. Есть такие этапы в истории искусства, когда оно выражает отношение к действительности на языке полемики с предшествующими методами и стилями. Так, темы, мотивы, образы романтической литературы, являющейся реакцией на пореволюционную действительность, могут быть поняты лишь при условии, что

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

ПЕРМСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. М. ГОРЬКОГО

ТИПОЛОГИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА И ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ ПИСАТЕЛЯ

Межвузовский сборник научных трудов

ПЕРМЬ 1979